

Кружалина Анастасия Алексеевна

НЕМЕЦКОЕ ВЛИЯНИЕ - РОССИЙСКОЕ ВЕЛИЧИЕ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ XIX СТОЛЕТИЯ

В данной статье рассматриваются вес и влияние немцев в России XIX столетия. На основе комплексного анализа источников освещается реакция российской общественности в адрес немцев, населяющих Российскую империю.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/1/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (7). С. 123-125. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94

В данной статье рассматриваются вес и влияние немцев в России XIX столетия. На основе комплексного анализа источников освещается реакция российской общественности в адрес немцев, населяющих Российскую империю.

Ключевые слова и фразы: история России; русские немцы; общественная мысль; XIX век.

Анастасия Алексеевна Кружалина

Кафедра истории России

Иркутский государственный университет

hulo-hup@mail.ru

НЕМЕЦКОЕ ВЛИЯНИЕ – РОССИЙСКОЕ ВЕЛИЧИЕ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ XIX СТОЛЕТИЯ[©]

Корень русско-немецкого противоречия внутри Российской империи кроется в засилии немцев не только на русском престоле, но и в высших эшелонах власти. Правомерно отметить, что первые упоминания о немцах на Руси относятся ещё к IX веку, но существенный их приток отмечается лишь с XV столетия. Петровские реформы распахнули двери страны для всевозможных иностранцев, сделали их желанными гостями и соратниками. Именно с XVIII столетия количество немцев в России стабильно возрастает. Первоначально селившиеся компактными группами в Немецких слободах, со временем немцы распространяются по всей России. Стоит так же отметить, что важным итогом Северной войны стало присоединение к России обширных территорий Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии и части Карелии с Выборгом, - именно тогда, по меткому замечанию Отечественной прессы XIX столетия население России обогатилось «русскими немцами».

Вес и влияние немцев в России представляются суммой диаметральных противоположностей. Так, Россия имела своего «оракула» Остермана, а в то же время и преданного Российскому престолу фон Миниха; целую династию московских почт-директоров Пестелей, а так же руководителя Южного общества декабристов П. И. Пестеля; Е. Ф. Канкрин и А. Х. Бенкендорфа, Ф. Ф. фон Трепгофа (Трепова) и Ф. П. фон Врангеля и т.п.

Не сколько не умоляя заслуг выдающихся обрусевших немцев на благо Империи, российская общественность вполне обоснованно негативно реагировала на остальную массу немцев, обильно хлынувших в Россию со времен Петра Великого в числе всевозможных губернаторов, ремесленников, солдат. И даже Отзейские губернии, входившие в состав Российской империи, воспринимались общественностью как ненавистная *terra incognita*, что не могло не возбуждать в населении этой «окраины Империи» вполне обоснованное недовольство. Так, известный представитель рода обрусевших немцев, декабрист, переживший десятилетие ссылки в Сибири за участие в восстании 14 декабря 1825 г. - А. Е. Розен справедливо считал абсурдным и необоснованным, что «по испытании их верности в продолжение 160 лет их все называют немцами, иностранцами, наравне с теми пришельцами, которые переселяются из-за границы только временно для заработков» [6, с. 356].

В то же время, во многих воспоминаниях и дневниках, датируемых XIX столетием, встречаются характеристики немцев, в которых наряду с сугубо личностными особенностями освящаются также национальные черты, столь ненавидимые русскими в обрусевших немцах. Так, по данным переписи 1897 г. в России насчитывалось 1,42% немцев от всего населения империи, что составляло примерно 1 784 100 человек: 35 000 из них были сосредоточены на государственной и военной службе [5, с. 59]. Кроме того, в России насчитывалось значительное число немцев-губернаторов, всевозможных учителей, работавших как на дому, так и в гимназиях и институтах благородных девиц, аптекарей, врачей, архитекторов и т.п.

Так, одна из воспитанниц Московского Екатерининского института благородных девиц, А. Н. Энгельгардт вспоминала об учителях: «Тяжеловатые, мешковатые и придурковатые или казавшиеся такими, немцы проходили бесследно в жизни институток и совершенно стухевывались в толпе учителей. Язык их не любили, их личностями не интересовались, и ни один из них никогда не выделялся из толпы и ни на минуту не овладевал умом и воображением институток» [8, с. 180]. Стоит отметить, что среди множества немецких наставников в государственных и частных учебных заведениях не все были столь тупы и необразованны. Вспомним С. А. Люгебиль - основательницу первого в России детского сада; П. Ф. Лесгафт – педагога и анатома, ставшего основателем научной системы физического воспитания и т.п.

Разнообразные характеристики «русских немцев» являет и классическая литература XIX века. Более пространны в своих размышлениях и высказываниях были представители демократической общественности. Ненависть к немцам, укоренилась в крови не только у русских, но и у всех славян. М. А. Бакунин считал, что «ненависть против немцев есть первое основание славянского единства и взаимного уразумения славян; она так сильна, так глубоко врезана в сердце каждого славянина...» [1, с. 74].

Братья – славяне в свою очередь стремились активно использовать ненависть русских к немцам. Так в «Польском катехизисе» мы встречаем следующее: «Между русскими говори всегда, что немцы исконные враги русских и поляков, что они... всегда расшатывают дружеское согласие между обоими народами. Русские ненавидят немцев, а потому всегда этому верят. Это самые лучшие для тебя меры, чтобы прикрывать твои действия и уверить неприятеля в искренней дружбе к нему, и усыпить его... Если имеешь дело с сильным и хитрым врагом, который тебя разгадывает, всеми средствами старайся его уничтожить и избери для сего оружие надежнейшее, именно: по средствам содействия подставного лица – Немец, по вражде своей к русскому элементу тебе в этом поможет. Враг твой погибнет, но будет думать, что обязан своим падением, немецкому влиянию. Сим ещё более докажешь, что истинны враг русских немцы...» [7].

Надо признать, что польские революционеры не ошибались, говоря о ненависти русских к немцам. Представители русской демократической мысли рисуют нам в своих трудах достаточно подробную и обобщенную картину злоупотреблений немцев в России. Так в «Колоколе» опубликована целая серия статей А. И. Герцена под общим названием «Русские немцы и немецкие русские», в которой в исторической ретроспективе рассматривается влияние немцев на историю России, а сам автор выступает выразителем реакции общественности XIX века на эту проблему.

Герцен считает, что «все правительствующие немцы относятся одинаким образом к России, с полным презрением и таковым же непониманием» [3, с. 431]; и с немалой долей иронии продолжает: «как в Саксонии есть своя небольшая Швейцария, так и у нас есть своя и притом очень большая Германия» [Там же, с. 432]. Однако примечательно, что значительную часть этой «своей Германии» по мнению Герцена составляют русские. «Настоящие немцы составляют только ядро или закуску, но большинство состоит из всевозможных русских» [Там же]. К числу таковых, Герцен относит, прежде всего Аракчеева, который «так сказать по службе немец, и не отдавая себе никогда отчета, выбивал из солдата и мужика не только русского, но и человека» [Там же]; а в особенности Николая I, который «изменил всему славянскому миру в пользу австрийского императора, а тот был идиот» [Там же].

А. И. Герцен отмечает, что ещё со времен Петра Великого, «как Кортес завоевал Америку испанскому королю, так немцы завоёвывали шпицрутенами Россию немецкой идее» [Там же]. На протяжении всего восемнадцатого столетия в Россию проникали всевозможные празднующиеся в Германии пасторские дети, егеря, офицеры, форейторы и берейторы, которым, по меткому замечанию Герцен, «открывают дворцы, им вручают казну, их обвешивают крестами» [Там же].

Надо так же заметить, что хлынувшие в Россию немцы усердно принялись за работу: «что помещик – то Петр I, что немец – то Бирон» [Там же, с. 433]. Именно при Петре I началась «немецкая дрессировка» России, по своей сути совершенно противоположная всему славянскому: «на троне были немцы, около трона – немцы, полководцами – немцы, министрами иностранных дел – немцы, булочниками – немцы, аптекарями – немцы, везде немцы до противности» [4, с. 440]. На многие десятилетия восемнадцатого столетия немцы встали не только у руля власти в России, но и у руля образования, медицины и т.п.

Как не странно, но именно на «добродушнейшем из всех немцев, на пьяненьком Петре III, как всегда бывает, оборвалась немецкое единодержавие. Немка, взбунтовавшаяся против него, – была офранцузена, выдавала себя за русскую и стремилась заменить немецкое иго – общеевропейским» [Там же].

В сознании общественности немецкое влияние сменилось французским, однако, как справедливо заметил А. И. Герцен, «не только правительство, мы сами так привыкли что нельзя хорошо управлять Россией без немцев, что нам кажется просто странным, как быть русскому министерству, русской армии без Нессельроде, Канкрин, Адлерберга, – нельзя! Ну хоть какойнибудь... Фабиан Вильгельмович фон дер Остен Сакен, а всё нужно» [Там же].

Однако тот же А. Е. Розен видит в таких высказываниях Герцена некую необоснованность. Декабрист с немецкими корнями с досадой вспоминает слова А. И. «со свойственной его слогу меткостью и едкостью» [6, с. 356] высказанные в адрес «русских немцев»: «они любят правительство, правительство любит их, да и как не любить людей, которых отечество в канцелярии и казарме, которых совесть – в Зимнем дворце» [2, с. 156]. Розен задается вопросом: «Будто бы в монархии любовь к государю разделена от любви к отечеству?» [6, с. 356]. Нельзя не согласиться со столь метким замечанием.

«Печальны, но изящны были люди вышедшие тогда на сцену, с сознанием правоты и бессилия,... они сложили руки, они проповедовали целую жизнь, как Грановский, как Белинский, оба сошедшие в могилу, рано изношенные в суровой и безотрадной борьбе» [4, с. 440]. Каждый, из этой славной плеяды реагировал на немецкое засилье по-особенному. Кто-то тихо протестовал, иные, как, например, славянофилы, пытались заменить немецкое влияние русским: «пытались науку сделать русской,... пытались архитектуру и живопись свести на византизм» [Там же, с. 441], достигая тем самым «высвобождения мысли и истины от обязательных колодок немецкой работы, набитых в наш ум западным воззрением» [Там же]. Третьи, как М. А. Бакунин, использовали ненависть к немцам, как фундамент единения всех славянских племен. Однако всех их объединяло стремление освободиться от влияния немцев, вернуть Россию на путь национального величия, основой которого являлись бы истинные и верные сыны Отчизны, а не приглашенные из заграницы, пусть и выдающиеся, мастера своего дела.

Список литературы

1. Бакунин М. Исповедь. СПб., 2010.
2. Герцен А. И. Собрание сочинений. М., 1958. Т. 14.
3. Искандер. Русские немцы и немецкие русские // Колокол. Женева, 1859. № 53.
4. Там же. № 54.
5. Немцы в России: историко-документальное издание. СПб., 2004.
6. Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 2008. С. 356.
7. Российский Государственный исторический архив. Ф. 974. Оп. 1. Д. 6.
8. Энгельгардт А. Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / М.: Новое литературное обозрение, 2008.

**GERMAN INFLUENCE – RUSSIAN GREATNESS:
VIEW FROM WITHIN THE RUSSIAN PUBLIC OF THE XIXTH CENTURY**

Anastasiya Alekseevna Krujalina
Department of Russian History
Irkutsk State University
hulo-hup@mail.ru

In the article the authority and influence of the Germans in Russia of the XIXth century are considered. On the basis of the complex analysis of sources the reaction of the Russian public towards the Germans inhabiting the Russian Empire is described.

Key words and phrases: history of Russia; Russian Germans; public thought; the XIXth century.

УДК 008

В статье дается обзор такого феномена как мультикультурализм, заключающего в себе требование смешения культур для обогащения и развития многонациональных обществ. Освещаются варианты и направления мультикультурализма, его применение на практике, а также последствия политики мультикультурализма в американском обществе.

Ключевые слова и фразы: мультикультурализм; этническое многообразие; культурное многообразие; плюрализм; идентичность; иммигрант.

Елена Сергеевна Кушнарёва

Кафедра английского языка и технической коммуникации
Институт международного образования и языковой коммуникации
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
esku@tpu.ru

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В США[©]

Термин «мультикультурализм» появился в Канаде в 60-х гг. XX в. в качестве характеристики социальной политики государства в условиях этнокультурного, расового и религиозного разнообразия страны. В 1971 г. за ним закрепился статус официальной политической идеологии, что было косвенным признанием тщетности жесткой ассимиляционной политики [2]. Позднее мультикультурализм стал одним из наиболее распространенных и спорных понятий, используемый для анализа сообществ, характеризующихся многосоставностью и этническим многообразием, таких как Канада, Великобритания, Австрия, Швейцария. Таким образом, существуют несколько вариантов осмысления проблемы мультикультурализма – канадский, американский, карибский и др.

Рассмотрение мультикультурализма проводится на трех уровнях – демографическом (демографические и этнокультурные параметры национальных обществ), идеологическом (концепции, отражающие идейно-политические и мировоззренческие аспекты) и политическом (применение принципов мультикультурализма в политике государства) [3, с. 8].

По своей сути, мультикультурализм является социально-культурным феноменом и отражает национальную идеологию социума. Он затрагивает различные сферы общественной жизни – «от политики и социологии до литературы и искусства, и существует как бы на границах и стыках различных дисциплин: антропологии, социологии, политологии, экономики, историографии, психологии, педагогики, литературоведения, философии» [7, с. 35]. М. В. Глостанова предлагает отнести мультикультурализм к так называемым «культурным исследованиям».